

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

THE ECONOMIC POLICY OF THE SOVIET TIMES

DOI 10.15826/izv2.2021.23.1.012
УДК 94(571.5)“1920” + 336.7:329.8 +
+ 939.25

Д. И. Петин
*Омский государственный
технический университет*
Омск, Россия

РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (январь-июнь 1920 г.)

Исследование посвящено малоизученному аспекту финансовой истории в заключительный период Гражданской войны в Восточной Сибири. Цель работы — осветить взаимосвязь финансово-экономических мероприятий партизан и Енисейского губернского ревкома в период восстановления советской власти с проводимой ими политикой в целом. Сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы позволили, сопоставив формы финансовой политики повстанцев и советской власти, отследить динамику в экономической сфере региона. Представлена связь вопроса, рассматриваемого в статье, с общей историографией ситуации в денежном обращении в Сибири в годы Гражданской войны. Основой для исследования стали делопроизводственные источники, опубликованные в советский период, а также неопубликованные документы (приказы, протоколы заседаний, переписка) ревкомов Енисейской губернии, впервые вводимые в научный оборот (из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива экономики, Государственного архива Красноярского края, Государственного архива Новосибирской области, Государственного архива Томской области, Красноярского краевого краеведческого музея). В результате рассмотрения денежно-эмиссионных мероприятий просоветских и советских властей Енисейской губернии автор приходит к выводу о том, что в первой половине 1920 г. в регионе продолжало отмечаться «повстанческое видение» регулирования финансово-экономической сферы. Опыт просоветских и советских властей Енисейской губернии в очередной раз свидетельствует о том, что в период Гражданской войны выпуск собственных

денег выступал ключевым методом решения финансовых затруднений у всех властей, вне зависимости от степени их легитимности и политических воззрений.

Ключевые слова: Гражданская война; советская власть; финансовая политика; денежное обращение; денежные суррогаты; партизанское движение; Енисейская губерния

Цитирование: *Петин Д. И.* Регулирование денежного обращения на территории Енисейской губернии (январь–июнь 1920 г.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 1. С. 178–194. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.012>

Поступила в редакцию: 05.11.2019

Принята к печати: 15.12.2020

Dmitry I. Petin

Omsk State Technical University

Omsk, Russia

REGULATION OF MONEY CIRCULATION IN YENISEI PROVINCE (January–June 1920)

This article considers the understudied aspect of financial history in the final period of the Civil War in Eastern Siberia. The author aims to describe the correlation between the financial and economic activities of the partisans and the Yenisei Provincial Revolutionary Committee during the restoration of Soviet power and their policies. With the help of a comparison between the forms of financial policies of the rebels and the Soviet government, the comparative-historical and problem-chronological methods make it possible to track the dynamics in the economic sphere of the region. The author demonstrates the connection of the issue considered in the article and the general historiography of the situation with the circulation of money in Siberia during the Civil War. The research is based on office records from the Soviet period as well as unpublished documents (orders, minute books, correspondence) of revolutionary committees of Yenisei Region which are first introduced into scholarly circulation (from the funds of the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Archive of the Economy, the State Archive of Krasnoyarsk Krai, the State Archives of Novosibirsk and Tomsk Regions, and the Krasnoyarsk Regional Museum of Local History). Having examined the monetary activities of the partisans and the Soviet authorities in Yenisei Province, the author concludes that in the first half of 1920, the “rebel view” on the regulation of the financial and economic spheres persisted in the region. The experience of the pro-Soviet and Soviet authorities of Yenisei Province is another indication of the fact that during the Civil War, the issue of their own money was the key method for solving financial difficulties for all authorities, regardless of the degree of their legitimacy and political stance.

Keywords: Civil War; Soviet power; financial policy; currency; money surrogates; partisan movement; Yenisei Province

For citation: Petin, D. I. (2021). Regulirovanie denezhnogo obrashcheniia na territorii Yeniseiskoi gubernii (ianvar'-iiun' 1920 g.) [Regulation of Money Circulation in Yenisei Province (January–June 1920)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(1), 178–194. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.012>

Submitted: 05.11.2019

Accepted: 15.12.2020

За последние 25 лет у российских историков значительный интерес вызвала проблема регулирования денежного обращения в Сибири в 1917–1920 гг. Современные авторы, базируясь на наработках 1920-х гг. [Погребецкий; Наше денежное обращение; Юровский] и вводя в оборот новые источники, создали ряд трудов, где нашли отражение даже столь узкие аспекты, как производство и подделка денег [Алямкин, Баранов; Медведев; Петин, 2011, с. 76–141; 2017; Рынков, 2006; 2013; Ходяков; Шахеров, 2017; 2018а; 2018б; Шиканова, с. 18–85, 92–95, 122–139; Чацин]. Но внимание авторов обращено преимущественно к политике антибольшевистских властей. Это объясняется тенденциями постсоветской историографии: «закрытостью» темы до 1990-х гг., расширением источниковой базы, проблематики работ о белом движении [Степанов]. В 2010-е гг. наметился более взвешенный подход к оценке Гражданской войны, связанный с «пресыщенностью антибольшевизмом», интересом историков к раннему советскому государству, стремлением искать проблемные темы «вне политики» [Полторац; Стельмак, с. 59–60; Кантор, с. 11–13].

В работах о денежном обращении в Сибири на рубеже 1919–1920 гг. лишь фрагментарно была освещена ситуация в Енисейской губернии [Петин, 2016, с. 29, 31, 35; Петин, Дякин; Чагин, 2016; 2017]. Устранить лакуну, выделив общие и частные особенности, осветить работу финансовых органов, функционирование денежного обращения в регионе в период восстановления советской власти позволяет подобранный комплекс источников. В его основе — вводимые в научный оборот приказы и протоколы заседаний ревкомов Енисейской губернии, переписка органов советской власти, а также опубликованные документы о партизанском движении и восстановлении советской власти в Енисейской губернии [Полгода Советской власти..., с. 33–35; Документы героической борьбы..., с. 403–527].

В годы Гражданской войны отличием Енисейской губернии от других регионов Сибири было масштабное просоветское партизанское движение. Его апогеем стала Тасеевская (Северо-Канская) республика — повстанческий район в тылу антибольшевистских сил. Повседневные экономические нужды заставили партизан зимой 1919 г. выпустить заемные билеты (по факту, не деньги, а ценные бумаги) для привлечения наличности и получения ресурсов. Но, обсуждая в марте 1919 г. возможность эмиссии особых бон-расписок, на выпуск своих денег тасеевцы не решились [Документы героической борьбы..., с. 166]. Действия канских повстанцев не были уникальны в своем роде. В финансовой

практике чуть дальше пошли партизаны Степного Алтая осенью 1919 г., подготовив краски и печатные формы для изготовления денег, но эмиссии их бон и облигаций займа также не состоялись [Петин, 2018а, с. 68].

Восстановление советских порядков в Енисейской губернии началось 3–4 января 1920 г. — ревкому без боя удалось взять власть в Красноярске; 7–8 января в город вошли части 30-й дивизии РККА [Кокоулин, с. 70]. По распоряжению Сибревкома из Омска в Красноярск 5 января 1920 г. выехал А. С. Спундэ, назначенный председателем формируемого Енисейского губернского ревкома [Петин, 2018б, с. 1145]. Официально этот орган власти начал работу 15 января 1920 г. [Документы героической борьбы..., с. 414–415].

С этого момента в Енисейской губернии началось налаживание финансовой системы по советскому общегосударственному образцу. Отметим, что красноярские революционные власти уделяли финансам особое внимание. Еще на совещании в штабе пробольшевистских повстанцев 27 декабря 1919 г. было решено, что в момент восстания одним из первых объектов следует захватить Госбанк и находящиеся в нем ценности [КККМ, о/ф 11575/7, л. 4, 9], что и было осуществлено.

Советской властью в Енисейской губернии на основе упраздненных отделений банков, казначейства, казенной палаты, податной инспекции был сформирован губернский финотдел (до лета 1920 г. именовался Красноярским, затем — Енисейским), который к 20 февраля 1920 г. курировал 5 созданных уездных финотделов в Красноярске, Ачинске, Енисейске, Канске, Минусинске и расчетно-расходную кассу в Нижнеудинске. Губернский финотдел подчинялся губернскому ревкому и Финансовому управлению при Сибревкоме. С первых дней работы в губернском финотделе, наряду с организационными действиями начались операции по удовлетворению текущих нужд региона (заготовка продовольствия, дров, борьба с эпидемиями и т. п.), вместе с повседневными вопросами решались оперативные задачи: объединение касс ликвидируемых учреждений, приемка и учет ценностей по итогам национализации [Полгода Советской власти..., с. 32–33, 35; Финансовая политика..., с. 158–159, 169].

Как и в других губерниях советской Сибири, енисейские власти в 1920 г. столкнулись с острыми взаимосвязанными проблемами сферы финансов — аннуляцией белогвардейских денег (в обиходе и даже официально именовались *сибирские*, *сибирки*, *колчаковки*, *омские*) и обеспечением региона советской наличностью.

По сравнению с Западной Сибирью решение этих вопросов в Енисейской губернии имело нюансы. Приказом № 4 Енисейского губернского ревкома от 11 января 1920 г. населению официально объявили о полной отмене хождения денег антибольшевистской власти. К обращению допускались советские деньги, кредитные билеты и казначейские знаки царского и Временного правительств. Все рабочие и служащие могли получить пособие по аннуляции сибирских денег в размере трехнедельного заработка деньгами, имеющими хождение в РСФСР, для чего учреждениям, предприятиям, организациям следовало представить

в губернский ревком списки сотрудников с указанием окладов [ГАКК, ф. Р-53, оп. 1, д. 114, л. 4; Приказы...].

Примечательно, что приказ ревкома, аннулируя омские казначейские знаки и краткосрочные обязательства Госказначейства, не оговаривал запрета обращения белогвардейских денег-облигаций и денег-купонов. Поясним: колчаковская власть в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в период с 19 ноября по 16 декабря 1919 г. для обеспечения своих финансовых нужд эмитировала по нарицательной стоимости денежные суррогаты — напечатанные «American Banknote Company» облигации (200 руб.) и купоны (4 руб. 50 коп.) 4½ %-го Внутреннего выигрышного займа 1917 г. Выпуская облигации в обращение, отделения Госбанка (Иркутска, Красноярска, Читы, Благовещенска и Владивостока) ставили на аверсах бумаг свой штамп [Истомин, с. 134–135]. Так, Красноярск незадолго до падения здесь антибольшевистской власти стал одним из ее эмиссионных центров (пусть и не первостепенного значения) [Енисейский вестник, 1919, 15/28 ноября, с. 1; 4/17 декабря, с. 1]. Обращавшуюся в Енисейской губернии денежную массу «дополнили» новые виды сибирских денег, но фактически денежный рынок губернии еще к весне 1919 г. унифицировали омские казначейские знаки и краткосрочные обязательства Госказначейства.

По сравнению с другими губерниями Урала и Сибири здесь, в партизанском регионе с лояльным политическим настроем к советской власти, отмену платежных средств контрреволюции — меру болезненную и непопулярную среди населения — встретили весьма спокойно. Недовольства крестьян из-за аннуляции белогвардейских денег (причину чего установить не удалось) отмечались лишь в Шалинской волости Красноярского уезда [Организация социальной помощи..., с. 178]. И если, например, партизаны Степного Алтая незадолго до восстановления советской власти лишь призывали население отказаться от приема омских денег [Партизанское движение..., с. 191], то в Канском уезде Енисейской губернии (главный центр партизанского движения в регионе) хождение сибирок де-факто прекратили сами повстанцы в декабре 1919 г. (де-юре 18 января 1920 г. советская власть) [ГАКК, ф. Р-53, оп. 1, д. 28, л. 3 об., 50 об.]. Такое отношение широких масс послужило причиной быстрой отмены хождения в Енисейской губернии сибирских денег [Организация социальной помощи..., с. 178]. Так это было в Омской и Томской губерниях [Финансовая политика..., с. 133; Флёрков, с. 19]. Для сравнения, в Иркутской губернии обращение сибирских денег после падения антибольшевистской власти продолжалось дольше всего — месяц [Рынков, 2006, с. 200; Петин, 2016, с. 29; Шахеров, 2018б, с. 50–51].

Ко времени отмены хождения белогвардейских денег Енисейским губернским ревкомом в советской Сибири распространилась практика выплат фиксированной компенсации населению. Этот общий для советской Сибири порядок был введен постановлением Сибревкома от 24 ноября 1919 г. [Финансовая политика..., с. 134–135; Петин, 2016, с. 30–31]. Но, как видно из упомянутого выше приказа № 4, Енисейский губернский ревком использовал «прогрессивный»

способ начисления пособия (применявшийся в Западной Сибири лишь до 24 ноября 1919 г.). Из-за сильной инфляции, роста и разницы цен в Западной и Восточной Сибири пропорциональное начисление пособия по аннуляции отчасти смягчало ситуацию в социальной сфере.

В начале третьей декады февраля 1920 г. по инициативе М. И. Фрумкина Сибревком издал распоряжение о вычете из жалований служащих и рабочих Восточной Сибири пособия по аннуляции «омских» денег. Председатель Енисейского губернского ревкома А. С. Спундэ твердо опротестовал решение, телеграфировав в Омск о том, что им задержано приведение в исполнение этого приказа, «как основанного на незнакомстве с положением, в котором находятся рабочие и крестьяне Центральной и Восточной Сибири» [ГАРФ, ф. Р-8310, оп. 1, д. 1, л. 72]. Очевидно, в силу роста социальной напряженности, в официальном губернском печатном органе «Красноярский рабочий» 16 февраля 1920 г. опубликовали специальное «агитационно-разъяснительное» воззвание к населению по случаю отмены сибирских денег. Аналогичные официальные обращения, написанные соответствующим идейно-патетическим слогом, выпустили в декабре 1919 г. ревкомы Омской, Алтайской, Томской (и в феврале 1920 г. Иркутской) губерний [Петин, 2016, с. 35]. В красноярской публикации был один крупный «агитационный подлог»: невозможность обмена белогвардейских денег обосновывалась тем, что они не имеют никакого обеспечения, а деньги РСФСР обеспечены «всем достоянием советского государства» [Лемин]. Важно отметить, что подавляющее большинство эмиссий периода Гражданской войны (в их числе — централизованные выпуски РСФСР) не имели реального обеспечения.

Повсеместно в Сибири отмена хождения омских денег вызвала среди обывателей слухи о грядущем обесценивании, недействительности или скорой отмене вслед за сибирскими купюрами тех или иных категорий обращавшихся денег, которыми вели расчеты советские учреждения. Наиболее часто в тревожном контексте упоминались керенки — казначейские знаки номиналами 20 и 40 руб. образца 1917 г. Здесь сказывалась «народная память» о неудачной денежной реформе Минфина Российского правительства Колчака, проведенной весной-летом 1919 г. и ударившей по благосостоянию рядового населения [Рынков, 2006, с. 165–166; Петин, 2016, с. 34]. Сложная обстановка в сфере финансов порождала у обывателей невероятные с точки зрения политической обстановки чаяния: обмен сибирских денег на советские купюры из-за отсутствия романовских кредиток и керенок [Организация социальной помощи..., с. 178]. Панические настроения заставили Енисейский губернский ревком 6 февраля 1920 г. издать приказ № 17. Документ официально подтвердил обращение керенок наравне с советскими купюрами. Распространители слухов, а также лица, отказывающиеся принимать при расчетах керенки, подлежали «ответственности по законам революционного времени» [ГАКК, ф. Р-53, оп. 1, д. 52, л. 16; Приказы...].

Закономерно, что следствием финансовой паники вокруг керенок стала дифференциация денежной массы рынком губернии: на керенки, как на неликвидные деньги, расчеты стоимости не велись. Это видно на примере продажи

потребительских товаров высокого спроса. Так, енисейские крестьяне, реализуя свою продукцию на рынке, предпочитали брать при расчетах дореволюционные кредитки. Сажень дров на советские деньги оценивалась в 900 руб., на николаевские купюры — в 600 руб.; фунт мяса стоил на советские деньги 50 руб., а на николаевские купюры — 30 руб. [На базаре].

Через месяц с момента отмены хождения в Енисейской губернии сибирских денег ситуация в регионе стала стабильнее. Губернский финотдел до 1 марта 1920 г. продолжал выдачу пособий по аннуляции колчаковок, предписав затем Ачинскому, Канскому, Енисейскому и Минусинскому уездным финотделам до особого распоряжения эту выплату прекратить [ГАКК, ф. Р-1134, оп. 1, д. 27, л. 30]. Сведений о продолжении в Енисейской губернии весной 1920 г. выдачи пособий по аннуляции омских денег (в том числе, по постановлению Сибревкома от 8 мая 1920 г. [Постановление...]) не выявлено.

22 марта 1920 г. в губернский финотдел телеграфом поступило секретное письмо, подписанное заместителем Наркома финансов С. Е. Чуцкаевым. Народный комиссариат финансов РСФСР «в целях установления единообразной практики при аннулировании белогвардейских денег и возмещения потерь населения» предлагал придерживаться в Енисейской губернии «общих порядков». Так, право определять момент аннуляции белогвардейских денег для каждой местности, где восстановлена советская власть, предоставлялось местному ревкому по соглашению с губернским финотделом. Важно отметить, что, согласно документу, срок этот следовало исчислять с момента начала работы советских финансово-кредитных учреждений и обеспечения их общегосударственными дензнаками. Обмен белогвардейских денег на советские купюры запрещался. Возмещение потерь от аннулирования сибирских денег допускалось только для рабочих, служащих и красноармейцев. Служащим и рабочим, находившимся на местах до прихода РККА, следовало выплачивать пособие в размере не выше месячного оклада содержания или месячной зарплаты по ставкам, существовавшим при белых. Служащим и рабочим, прибывшим после восстановления советской власти, а также красноармейцам при аннуляции надлежало выплачивать двухнедельную зарплату по советским тарифным ставкам, применявшимся в момент занятия данных местностей РККА. Возмещение убытков организаций и учреждений (в том числе кооперативам), по мнению Москвы, считалось невозможным. Взамен кооперации предлагалось подавать ходатайства о выдаче им ссуд общим порядком через кооперативы, которые, в свою очередь, должны были обратиться в кооперативный отдел Центрального бюджетно-расчетного управления НКФ РСФСР. Енисейскому губернскому финотделу следовало инструктировать по этому вопросу уездные финотделы и расчетные кассы губернии [ГАКК, ф. Р-1134, оп. 1, д. 1, л. 68–68 об.].

Но это опоздавшее письмо с указаниями НКФ РСФСР не имело смысла. Процедура аннуляции омских денег в Енисейской губернии тогда уже прошла, а в финансовой сфере региона остро обнажился иной болезненный аспект (о котором пойдет речь ниже). В письме замнаркома Чуцкаева вызывает интерес

ряд моментов. С одной стороны, переданное телеграфом секретное письмо НКФ РСФСР адресовали напрямую в губернский центр, минуя промежуточные звенья административной иерархии — Сибревком и его Финансовое управление. Это может свидетельствовать об особом отношении Центра к тяжелой финансовой ситуации в удаленной губернии. С другой стороны, пришедшая в Красноярск из Москвы инструктивная бумага игнорировала интересы про-советских повстанцев, фактически обеспечивших скорое установление большевистских порядков в регионе. При прямом обращении такое «невнимание» Центра по отношению к Енисейской губернии — провинциальному «партизанскому региону», его политической и социально-экономической специфике, в тот период выглядело некорректно, провоцируя попытки «сепаратных» финансовых решений властей, привыкших жить в отрыве от сообщения с Центром (что подтвердится на практике).

Как и в других регионах Сибири, аннулирование белогвардейских денег в Енисейской губернии повлекло ситуацию «денежного вакуума», когда, объявляя недействительной по политическому принципу огромную массу «белой наличности», советская власть не могла оперативно обеспечить своим денежным подкреплением многочисленные нужды региона. Парадоксально, но военные успехи РККА в Енисейской губернии порождали финансовую нестабильность. Так, член РВС 5-й армии РККА И. Н. Смирнов, выступая 23 января 1920 г. перед бойцами Минусинского фронта, по вопросу аннуляции сибирских денег отмечал, что «Советское правительство не рассчитывало на такой быстрый успех советских войск, а полагало, что будет укрепляться в некоторых пунктах, и будет наводнять своими кредитками население» [Документы героической борьбы..., с. 429–430].

Отсутствие в Красноярске советских денег заставило Енисейский губернский ревком пойти на меры социальной поддержки. Здесь, как видно, использовался опыт советских властей Омска, Новониколаевска, Барнаула, Томска [Петин, 2016, с. 32–33]. Так, приказ № 6 от 12 января 1920 г. предписывал городским продовольственным и кооперативным лавкам производить выдачу муки бесплатно за январь 1920 г. по установленной норме по продовольственным карточкам, ордерам и членским книжкам. Городская продовольственная управа в связи с этим выдавала продовольственные карточки немедленно. Бесплатно отпускались питьевая вода и лекарства по рецепту врача. Кооперативы Красноярска обязывались выдавать сельским кооперативам товары в кредит. Торговые учреждения должны были реализовывать товары лишь на советские деньги, не повышая отпускных цен. Нарушение приказа каралось «военно-революционным судом» [ГАКК, ф. Р-53, оп. 1, д. 52, л. 6].

Но шаги Енисейского губернского ревкома были паллиативом: облегчая положение населения, они не решали проблему обеспечения региона денежной наличностью. И объяснимо, что вслед за упомянутым приказом губернского ревкома в тот же день последовал приказ № 7. По этому документу до получения советских денег губернский ревком использовал как временную меру

особые долговые обязательства, удостоверившиеся печатью ревкома, подписями его председателя и членов. Эти боны, по факту, выполняли функции денег для приобретения продовольствия или фуража. Номинал в «расписках» изначально не указывался, а вписывался вручную в момент операции. Установить точно срок использования долговых обязательств не удалось. Известно, что расчеты ими на территории губернии шли непродолжительно: долговые обязательства обменивали на экстренно доставленную в Красноярск советскую наличность [ГАКК, ф. Р-53, оп. 1, д. 28, л. 3 об.; д. 52, л. 7; Приказы...]. Сведений о полноте проведенного обмена выявить не удалось. Мы полагаем, что сдано было подавляющее число обязательств: на сегодня ни в фондах музеев, ни в частных собраниях данные денежные суррогаты не известны.

Серьезные финансовые сложности в Енисейской губернии стали наблюдаться вновь со второй половины февраля 1920 г. Причиной тому был дефицит разменных денег, являвшийся следствием неотработанной системы обеспечения страны денежной наличностью. Важно учесть, что многочисленные нужды регионов заставляли НКФ РСФСР использовать прием, распространенный в годы Гражданской войны и у красных, и у белых. Центральной властью в провинцию направляли вагоны с денежным подкреплением в требуемых суммах, но преимущественно в крупных купюрах. При отсутствии обеспечения эмиссии изготовить и направить в регионы дензнаки больших номиналов было для Центра «простым решением сложной задачи» (даже с точки зрения транспортной логистики — объема направляемых денежных грузов, количества вагонов). Находившийся в Омске Сибревком, распределяя денежный поток по Сибири, по инерции вынужденно повторял пагубную практику НКФ РСФСР, рассылая 5- и 10-тысячные купюры с ничтожной долей размена. Ситуация осложнялась значительной удаленностью находившихся в ведении Сибревкома отдельных территорий (яркий пример — Енисейская губерния), а также разрухой на транспорте. Все это стало причиной выпуска денежных суррогатов Сибревкома в феврале-июне 1920 г. через Иркутский губернский финотдел [Наше денежное обращение..., с. 272].

В пик разменного кризиса в конце февраля 1920 г. Сибревком и командование 5-й армии РККА в переписке обсуждали вопрос ввода в обращение белогвардейских денег с грифом РСФСР как экстренной меры для пополнения полевых армейских касс. Но, как видно, итоговое решение приняли не из экономических соображений, а в угоду идеологии. «Появление “денег второго сорта” с пониженным ажио, легкость их подделки и вероятный рост недовольства населения, а также развитие на этой почве антисоветской агитации» стали причинами, по которым идею использования заштемпелеванных колчаковок армейское руководство отвергло. «Лучше переболеть без денежных знаков, чем прибегать к мере, которая положения все равно не разрешит» — подытоживали командарм 5-й армии М. С. Матияевич и члены РВС К. И. Грюнштейн и Б. П. Позерн в срочной телеграмме, адресованной из Красноярска председателю Сибревкома И. Н. Смирнову [ГАНУ, ф. П-5, оп. 2, д. 1385, л. 5].

Как отмечалось в отчете Енисейского губернского финотдела, острый дефицит разменных денег в губернии повлек удовлетворение финансовых требований учреждений главным образом крупными купюрами. К марту 1920 г. запаса наличности в губернском финотделе иссяк. Назревал финансовый коллапс, который в условиях традиционных наличных расчетов вследствие аннулирования колчаковок тормозил реализацию социальных мероприятий (ликвидацию безработицы и др.) [Организация социальной помощи..., с. 194]. Губернские власти направили в Омск ряд тревожных телеграмм с ходатайствами об экстренной присылке денег. Уездные финотделы получили предписание вести расчеты перечислениями, максимально ограничив выдачу наличности из касс. Губернский ревком обязал советские и кооперативные учреждения Красноярска отдавать деньги из касс в губернский финотдел, «оставляя у себя лишь самую минимальную сумму в лимите дневной потребности» [ГАКК, ф. Р-53, оп. 1, д. 51, л. 35]. Эти мероприятия не решили проблему, но отчасти позволили избежать губительных последствий разменного кризиса.

Существенным недочетом приказа № 4 Енисейского губернского ревкома от 11 января 1920 г. было то, что допуская к обращению деньги, имеющие хождение в РСФСР, в документе не оговаривались дореволюционные ценные бумаги и купоны от них, которые по законам РСФСР имели платежную силу по нарицательной стоимости [ГАКК, ф. Р-53, оп. 1, д. 114, л. 4; Приказы...]. Указанные денежные суррогаты, узаконенные на общегосударственном уровне, де-факто не являлись платежным средством в Енисейской губернии. Доля ценных бумаг и купонов, находившихся на руках у населения и в кассах советских учреждений, могла быть относительно невелика, но, так или иначе, официальное упоминание в приказе № 4 названных денежных суррогатов позволило бы нивелировать сложную ситуацию с расчетами. Стоит учесть, что в советской Западной Сибири в конце 1919 г. «денежный голод» стал причиной значительного выброса в обращение облигаций и купонов, что обострило вопрос о платежной силе упомянутых суррогатов, заставив местную власть повторно подтвердить возможность расчета ими [Финансовая политика..., с. 138, 140].

Вызывает интерес социально-экономическая ситуация в то время в Канском уезде. Использование здесь долговых обязательств Енисейского губернского ревкома, а затем поступавших с перебоями советских денег не позволяло обеспечить нужды. Продовольственные комитеты и кооперативы, получавшие авансы в крупных купюрах, не могли вести расчетов с крестьянством за поставляемые продукты. Финансы и социальная обстановка вызывали особую тревожность, что послужило поводом созыва 29 февраля 1920 г. специального совещания в Канском уездном финотделе с представителями общественных организаций.

На встрече обсуждался вопрос «о разменной монете и способе изыскания ее для удовлетворения нужд населения». Отсутствие мелких денег в уезде вместе с грядущей весенней распутицей ставили под угрозу заготовку продовольствия и фуража. Организации получали ассигнования в крупных купюрах. В итоге, из-за дефицита разменных денег расчеты с крестьянством были невозможны.

После дискуссии решили запросить по телеграфу Красноярск о срочной присылке в уездный финотдел разменной наличности. В случае невозможности урегулировать вопрос ситуация в видении властей уезда могла быть разрешена посредством выпуска бон в губернском либо уездном масштабе (под обеспечение эмиссии имеющимся запасом крупных купюр). В сложившейся ситуации до получения ответа от губернских властей вести заготовки среди населения следовало под долговые расписки, оплата которых гарантировалась бы заготовительными организациями и правительственными учреждениями. Также были одобрены иные «стандартные меры», широко использовавшиеся советскими властями по Сибири: ограничения сдачи с крупных денег (с 500 руб. до 100 руб.; с 1000 руб. до 200 руб.) и осуществление разменных операций с деньгами лишь с разрешения уездного финотдела [ГАКК, ф. Р-53, оп. 1, д. 52, л. 4–4 об., 20]. Мясо в Канском уезде приобреталось у населения по распискам потребительских обществ, волостных и сельских советов [Документы героической борьбы..., с. 433].

Финансовое положение в Канском уезде вскоре стабилизировали. Сведений о повторном обострении денежного вопроса не выявлено. Но описанный выше сюжет вызывает интерес как пример готовности самостоятельно регулировать денежное обращение. Метод при этом выбирался простой и логичный с точки зрения чрезвычайного хозяйствования и военного времени. Аналогичные ситуации имели место в иных регионах. Осуществленные в тот же период финансовые мероприятия партизан и советских властей Степного Алтая подтверждают наличие «отголосков» традиций повстанчества (выпуск бон Бийским уездным ревкомом, попытка выпуска бон Алтайским губернским ревкомом) [Петин, 2018а, с. 71–72]. На примере Канского уезда Енисейской губернии мы видим аналогичное мышление властей, здравым смыслом и практикой жизни изученных самостоятельно решать насущные вопросы. Но посредством скорой присылки денег в Канск из Красноярска «эмиссионную инициативу» пресекли.

Парадокс, но денежный кризис имел положительные последствия. В отчете о работе Енисейского губернского финотдела за первую половину 1920 г. указано: «Ведение расчетно-кассового дела в губернии в первой половине 1920 г. значительно затруднялось разменным дефицитом. Но недостаток наличности заставил в короткие сроки достичь планомерного использования кассового подкрепления» [Полгода Советской власти..., с. 35].

В течение весны-лета 1920 г. повсеместно в Сибири шли мероприятия по окончательному включению Сибири в общегосударственную денежную систему (в их числе изъятие бон, суррогатов) [Провинциальные финотделы, с. 5]. 29 апреля 1920 г. Финансовое управление при Сибревкоме предписало Енисейскому губернскому финотделу «по мере накопления в кладовой аннулированных процентных бумаг, колчаковских [денежных] знаков и 5%-х краткосрочных обязательств Госказначейства сроком до 1 ноября 1918 г. отправлять их централизованно в Москву, составив описи с указанием количества, рода, достоинства и сроков купонов с заверением их соответствующими подписями» [ГАКК, ф. Р-1134, оп. 1, д. 1, л. 17].

Анализируя сложности в денежном обращении и работе финансовых органов Енисейской губернии в первой половине 1920 г., можно утверждать, что их общими причинами были значительная удаленность региона, как следствие, неоперативное получение из Центра необходимых документов и инструкций. Характерный пример — спешно изданный приказ № 4 Енисейского губернского ревкома, в котором были учтены не все категории денег, ходивших в РСФСР. Невозможность вовремя получить нормативные указания как одно из значительных затруднений отмечалась в отчете о работе Енисейского губернского финотдела за первое полугодие 1920 г. [Полгода Советской власти..., с. 33]. О тормозившей работу нехватке в финансовых органах Сибири законодательных и ведомственных методических материалов указывал заведующий Финансовым управлением при Сибревкоме Ф. А. Земит [Петин, 2018б, с. 1143].

Примечательно, что в начале 1920 г. в финансовых органах Енисейской губернии кадровый вопрос не был столь острым, как в целом по Сибири. Отмечалась лишь некоторая неподготовленность енисейских сотрудников [Полгода Советской власти..., с. 33]. Поясним: тогда сильный дефицит кадров испытывали в большей степени Тюменская и Омская губернии. В городах Томской, Енисейской и Иркутской губерний было большое число эвакуированных бывших сотрудников финансовых органов белой власти (прибывших летом-осенью 1919 г. из Поволжья, Прикамья, Урала, Западной Сибири). Преимущественно ими укомплектовывался личный состав местных финотделов [ГАТО, ф. Р-175, оп. 1, д. 9, л. 5]. После кадровой ревизии Ф. А. Земита и перегруппировки кадров к концу 1920 г. комплект штата Енисейского губернского финотдела составил 76,3 % (при среднем значении по губернским финотделам Сибири 67,3 %) [подсчет автора по: РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 5929, л. 138]. Но количественные показатели не дают представления об уровне квалификации персонала енисейских советских финансовых работников.

Как официально подчеркивали в отчетах, относительная стабильность по всем направлениям работы Енисейского губернского финотдела была достигнута к июлю 1920 г. [Полгода Советской власти..., с. 33], когда по Сибири наблюдалась общая тенденция нормализации финансовой жизни [Провинциальные финотделы, с. 7].

Подводя итоги, отметим, что в центральной части РСФСР в апогей мероприятий военного коммунизма в 1919–1920 гг. предпринимались наиболее активные и зачастую обреченные на провал попытки введения безденежного хозяйства через прямой товарообмен. В Сибири такие эксперименты были попросту невозможны: в условиях тотальной разрухи большинства сфер в регионе эти новации грозили резким ростом социального напряжения вплоть до антибольшевистских выступлений.

В то же время в период Гражданской войны повсеместно многочисленные насущные потребности, политические и социальные обстоятельства принуждали власти всех уровней экстренно решать денежный вопрос. И особо тяжело было руководству в провинции, чьи ресурсы часто были ограничены. Но нужда

в «экономическом спасении» здесь ощущалась острее, побуждая к скорейшим действиям. Опыт регулирования финансово-экономической сферы повстанцами и ревкомом Енисейской губернии наглядно это подтверждает. Здесь, в окраинном регионе, как и в целом в советской Сибири, политическая обстановка, невзирая на экономические доводы, напрямую влияла на финансы. На начальном этапе советская власть преодолела денежный дефицит через выпуск временных бон-расписок, в то же время у властей губернии не было выраженного стремления к введению безденежных отношений, как и очевидного тяготения к финансовому сепаратизму. Денежные требования енисейских властей не звучали ультимативно, хотя отголоски «повстанческого прошлого» в них были ощутимы. По нашему мнению, удержать под контролем финансовую ситуацию удалось и благодаря твердости действий назначенца Сибревкома А. С. Спундэ, находившего компромиссы, «устраивавшие» Москву, Омск и Красноярск.

В целом, в Енисейской губернии отмечались характерные для всей Сибири тенденции и явления в денежном обращении: нехватка нормативно-методических материалов, поспешная «политизированная» аннуляция белогвардейских денег, общий и разменный дефицит денег, слухи вокруг «вероятной» отмены хождения керенок. Но важным отличием стало то, что шаги по нормализации ситуации отработали в Западной Сибири, применив этот опыт в Енисейской губернии. Совокупность указанных выше обстоятельств позволила здесь в условиях жесткого кризиса регулировать денежное обращение так, чтобы это способствовало проведению советской политики в регионе.

Источники

ГАКК — Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 28, 51, 52, 114; Ф. Р-1134. Оп. 1. Д. 1, 27.

ГАНО — Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1385.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-8310. Оп. 1. Д. 1.

ГАТО — Государственный архив Томской области. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 9.

Документы героической борьбы : сб. док. материалов, посв. борьбе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918–1920 гг.). Красноярск : Краснояр. кн. изд-во, 1959.

Енисейский вестник. 1919. 15/28 ноября; 4/17 декабря.

КККМ — Красноярский краевой краеведческий музей. О/ф 11575/7.

Лемин В. Почему советская власть не признала колчаковских денег? // Красноярский рабочий. 1920. 16 февраля. С. 2.

На базаре // Красноярский рабочий. 1920. 17 января. С. 4.

Организация социальной помощи в Енисейской губернии в условиях социальных катаклизмов. Документы и материалы (1917–1921 гг.) / сост. Т. А. Катцина, Л. Э. Мезит, К. А. Тишкина, Н. В. Пашина. Красноярск : КГПУ, 2019.

Партизанское движение в Западной Сибири 1918–1920 : Документы и материалы / ред. кол.: И. В. Громов [и др.]. 2-е, изд., испр. и доп. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1959.

Полгода Советской власти в Енисейской губернии. Обзор деятельности советских учреждений с января по 1 августа 1920 г. Изд-е Енисейского губернского ревкома. [Красноярск] : Гос. тип. № 3, 1920.

Постановление Сибирского революционного комитета о возмещении убытков сельскому населению за время партизанских действий // Советская Сибирь. 1920. 8 мая. С. 4.

Приказы Енисейского губернского революционного комитета // Красноярский рабочий. 1920. 16 января. С. 1.

Провинциальные финотделы // Известия НКФ. 1920. 20 ноября. С. 5–7.

РГАЭ — Российский государственный архив экономики. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 5929.

Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920: документы Исторического архива Омской области : сб. документов / авт.-сост., науч. ред. Д. И. Петин ; вступ. слово А. В. Сушко. Омск : Амфора, 2014.

Исследования

Аляжкин А. В., Баранов А. Г. История денежного обращения в 1914–1924 гг. (по материалам Зауралья). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005.

Истомин М. И. Каталог денежных знаков Гражданской войны в России. Денежные знаки обязательного обращения. Т. VI. Ч. 1 : Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток. Харьков : СПДФЛ А. В. Чальцев, 2012.

Кантор Ю. З. «Историю невозможно переписать, ее можно дописать...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 9–15. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2019-4-1-9-15>

Кокоулин В. Г. Власть в Красноярске после разгрома Колчака (декабрь 1919 — январь 1920 г.) // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2017. Т. 6, № 1. С. 65–70.

Медведев В. Г. Финансовое законодательство «белой» России в годы Гражданской войны // Налоги и финансовое право. 2012. № 3. С. 123–128.

Наше денежное обращение: сборник материалов по истории денежного обращения в 1914–1925 гг. / под ред. Л. Н. Юровского. М. : Финансовое изд-во, 1926.

Петин Д. И. Денежно-эмиссионная политика советской власти и антибольшевистских режимов в Сибири (октябрь 1917 — ноябрь 1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011.

Петин Д. И. «Людам трудового народа нечего бояться утраты бумажек, ставших ненужными»: к вопросу об аннуляции белогвардейских денежных знаков в Сибири // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 27–40. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2016.302>

Петин Д. И. «Только живое слово на месте способно скорее сдвинуть этот вопрос с мертвой точки...»: Положение экспедиции заготовления государственных бумаг в Иркутске в начале 1920 г. // Новейшая история России. 2017. № 3. С. 256–270. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2017.318>

Петин Д. И. Регулирование денежного обращения партизанами и советской властью в Степном Алтае (сентябрь 1919 г. — март 1920 г.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018а. Т. 20, № 4 (181). С. 63–77. <https://doi.org/10.15826/izv2.2018.20.4.066>

Петин Д. И. «Я дерусь со всеми, которые не так поступают, как Коммунисту следует...» Письмо Ф. А. Земита Н. Н. Крестинскому о финансовой работе в Сибири. 5 января 1920 г. // Вестник архивиста. 2018б. № 4. С. 1137–1148. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-4-1137-1148>

Петин Д., Дякин А. Заемные письма штаба Тасеевского фронта // Петербургский коллекционер. 2011. № 6. С. 6–7.

Погребецкий А. И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период Войны и Революции (1914–1924). Харбин : Издание О-ва изучения Маньчжурского края и Дальневосточно-Сибирского о-ва «Книжное дело», 1924.

Полторак С. Н. Современная историография Гражданской войны в России и перспективы ее развития // Проблемы истории и историографии : сб. докладов межвуз. науч. конф. 2014. Т. 2. С. 16–29.

Рышков В. М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 г.). Новосибирск : [б. и.], 2006.

Рышков В. М. Власть, деньги и люди: сибирский обыватель в тисках финансового кризиса (1918–1920 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. ст. / отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск : Ин-т ист. СО РАН, 2013. С. 140–172.

Стельмак М. М. Главная конференция о революции и Гражданской войне в Омске: итоги научной дискуссии // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 1. С. 57–64.

Степанов М. Г. Основные тенденции развития постсоветской исторической науки (1990-е — начало 2000-х гг.) // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 3 (71). С. 243–249.

Флёров В. С. Из истории денежного обращения в Сибири в период иностранной интервенции и Гражданской войны // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. VI, вып. 2. Томск, 1963. С. 11–20.

Ходяков М. В. Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 годы. СПб. : СПбГУ, 2019.

Чагин В. Разменные чеки Красноярского общества взаимного кредита 1919 г. // Петербургский коллекционер. 2016. № 6. С. 8–11.

Чагин В. В. Денежные знаки Приенисейского края (начало XX в. — 2000-е гг.) : каталог. Красноярск : Поликор, 2017.

Чащин А. И. Бумажные свидетели истории Восточного Забайкалья. Новосибирск : Деалсиб, 2016.

Шахеров В. П. Финансовая деятельность антибольшевистских правительств Сибири в годы Гражданской войны // Известия Иркутского государственного университета. Сер. : История. 2017. Т. 21. С. 111–116.

Шахеров В. П. Регулирование кредитно-банковской системы Иркутской губернии в период политических трансформаций Гражданской войны // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2018а. № 1. С. 46–54. <https://doi.org/10.30792/2222-9175-2018-29-46-54>

Шахеров В. П. Между Колчаком и Советами: к вопросу о финансовой деятельности Иркутского политцентра // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2018б. № 3. С. 45–55. <https://doi.org/10.31554/2222-9175-2018-31-45-55>

Шиканова И. С. Страницы отечественной истории в бумажных денежных знаках. М. : Нумизмат. лит., 2005.

Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти (1917–1927). М. : Финансовое изд-во, 1928.

References

Alyamkin, A. V., & Baranov, A. G. (2005). *Istoriia denezhnogo obrashcheniia v 1914–1924 gg. (po materialam Zaural'ia)* [History of Monetary Circulation in 1914–1924 (Based on the Materials of the Trans-Urals)]. Yekaterinburg: Ural University Press.

Chagin, V. (2016). Razmennye cheki Krasnoyarskogo obshchestva vzaimnogo kredita 1919 g. [Subsidiary Cheques of the Krasnoyarsk Mutual Loan Society of 1919]. *Peterburgskiy kollektzioner*, 6, 8–11.

Chagin, V. V. (2017). *Denezhnye znaki Prieniseiskogo kraia (nachalo XX v. — 2000-e gg.): katalog* [Banknotes of Yenisei Region (Early 20th Century — 2000s): Catalogue]. Krasnoyarsk: Polikor.

Chashchin, A. I. (2016). *Bumazhnye svideteli istorii Vostochnogo Zabaykal'ia* [Paper Witnesses of the History of Eastern Trans-Baikal]. Novosibirsk: Dealsib.

Flyorov, V. S. (1963). Iz istorii denezhnogo obrashcheniia v Sibiri v period inostrannoj interventsii i Grazhdanskoj voiny [From the History of Currency in Siberia during the Period of Foreign Intervention and the Civil War]. *Trudy Tomskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya*, 6(2), 11–20.

Istomin, M. I. (2012). *Katalog denezhnykh znakov Grazhdanskoj vojny v Rossii. Denezhnye znaki obiazatel'nogo obrashcheniia* [The Catalogue of Banknotes of the Civil War in Russia. Banknotes of Compulsory Circulation] (Vol. VI, Pt. 1: Povolzh'ye, Ural, Sibir, Dalnij Vostok [The Volga Region, the Urals, Siberia, the Far East]). Kharkov: SPDFL A. V. Chal'tsev.

Kantor, Yu. Z. (2019) "Istoriuu nevozmozhno perepisat', ee mozhno dopisat'..." ["History cannot be rewritten, it can be continued..."]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*, 4(1), 9–15. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2019-4-1-9-15>

Khodyakov, M. V. (2019). *Den'gi revoliutsii i grazhdanskoj vojny: 1917–1920 gg.* [The Money of the Revolution and Civil War: 1917–1920]. St Petersburg: St Petersburg State University Press.

Kokoulin, V. G. (2017). *Vlast' v Krasnoyarske posle razgroma Kolchaka (dekabr' 1919 – ianvar' 1920 g.)* [Power in Krasnoyarsk after the Defeat of Kolchak (December 1919 – January 1920)]. *Interesno Geo-Sibir'*, 6(1), 65–70.

Medvedev, V. G. (2012). *Finansovoe zakonodatel'stvo "beloj" Rossii v gody Grazhdanskoj vojny* [Financial Legislation of "White" Russia during the Civil War]. *Nalogi i finansovoe pravo*, 3, 123–128.

Petin, D. I. (2011). *Denezhno-emissionnaia politika soverskoi vlasti i antibol'shevistskikh rezhimov v Sibiri (oktiabr' 1917 – noiabr' 1920 gg.)* [Monetary Policy of the Soviet Authorities and Anti-Bolshevik Regimes in Siberia (October 1917 – November 1920)] (doctoral dissertation). Omsk State Technical University, Omsk.

Petin, D. I. (2016). "Liudiam trudovogo naroda nechego boiat'sia utraty bumazhek, stavshikh nenuzhnyimi": k voprosu ob annullatsii belogvardejskikh denezhnykh znakov v Sibiri ["Representatives of the working people have nothing to fear the loss of papers that have become unnecessary": On the Issue of the Annulment of the White Guard Currency in Siberia]. *Novejshaya istoriya Rossii*, 3, 27–40. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2016.302>

Petin, D. I. (2017). "Tol'ko zhivoe slovo na meste sposobno skoree sdvinut' etot vopros s mertvoj tochki...": Polozhenie Ekspeditsii zagotovleniia gosudarstvennykh bumag v Irkutske v nachale 1920 goda ["Only the living word on the spot is capable of moving this issue from the dead point sooner...": The State of the Expedition of the State Securities Procurement in Irkutsk in the Beginning of 1920]. *Novejshaya istoriya Rossii*, 3, 256–270. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2017.318>

Petin, D. I. (2018a). *Regulirovanie denezhnogo obrashcheniia partizanami i Sovetskoj vlast'iu v stepnom Altai (sentiabr' 1919 g. – mart 1920 g.)* [The Regulation of Money Circulation by Partisans and Soviet Power in the Steppe Altai (September 1919 – March 1920)]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 20, 4 (181), 63–77. <https://doi.org/10.15826/izv2.2018.20.4.066>

Petin, D. I. (2018b). "Ya derus' so vsemi, kotorye ne tak postupaiut, kak Kommunistu sleduet...". Pis'mo F. A. Zemita N. N. Krestinskomu o finansovoi rabote v Sibiri. 5 ianvaria 1920 g. ["I fight with anyone who doesn't act as a communist should..."] A Letter of F. A. Zemit to N. N. Krestinsky on Financial Work in Siberia. January 5, 1920]. *Vestnik arhivista*, 4, 1137–1148. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-4-1137-1148>

Petin, D., & Dyakin, A. (2011). *Zaemnye pis'ma shtaba Taseevskogo fronta* [Acknowledgement of Debt from the Staff of the Taseyev Front]. *Peterburgskij kollektioner*, 6, 6–7.

Pogrebetsky, A. I. (1924). *Denezhnoe obrashcheniie i denezhnye znaki Dal'nego Vostoka za period Vojny i Revoliutsii (1914–1924)* [Monetary Circulation and Banknotes of the Far East during the War and Revolution (1914–1924)]. Harbin: Publication of the Island of Study of the Manchurian Territory and the Far East Siberian Society of "Knizhnoye Delo".

Poltorak, S. N. (2014). *Sovremennaya istoriografiia Grazhdanskoj vojny v Rossii i perspektivy ee razvitiia* [Modern Historiography of the Civil War in Russia and the Prospects of Its Development]. *Problemy istorii i istoriografii: sbornik dokladov mezhvuzovskoj nauchnoj konferentsii*, 2, 16–29.

Rynkov, V. M. (2006). *Finansovaia politika antibol'shevistskikh pravitel'stv vostoka Rossii (vtoraiia polovina 1918 – nachalo 1920 g.)* [Financial Policy of the Anti-Bolshevik Governments of the East of Russia (Second Half of 1918 – Early 1920)]. Novosibirsk: [s. n.].

Rynkov, V. M. (2013). *Vlast', den'gi i liudi: sibirskij obyvatel' v tiskakh finansovogo krizisa (1918–1920 gg.)* [Power, Money, and People: The Siberian Philistine in the Grip of the Financial Crisis (1918–1920)]. In V. I. Shishkin (Ed.), *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and Society in Siberia in the 20th Century] (pp. 140–172). Novosibirsk: Institute of History SB RAS, Press.

Shakherov, V. P. (2017). *Finansovaya deiatel'nost' antibol'shevistskikh pravitel'stv Sibiri v gody Grazhdanskoj voiny* [Financial Activity of the Anti-Bolshevik Governments of Siberia during the Civil War]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, 21, 111–116.

Shakherov, V. P. (2018a). *Regulirovanie kreditno-bankovskoj sistemy Irkutskoj gubernii v period politicheskikh transformatsij Grazhdanskoj voiny* [Regulation of the Credit and Banking System of the Irkutsk Province in the Period of Political Transformations of the Civil War]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoy akademii nauk*, 1, 46–54. <https://doi.org/10.30792/2222-9175-2018-29-46-54>

Shakherov, V. P. (2018b). *Mezhdru Kolchakom i Sovetami: k voprosu o finansovoj deyatelnosti Irkutskogo polittsentra* [Between Kolchak and the Soviets: On the Issue of Financial Activity of the Irkutsk Political Centre]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoy akademii nauk*, 3, 45–55. <https://doi.org/10.31554/2222-9175-2018-31-45-55>

Shikanova, I. S. (2005). *Stranitsy otechestvennoj istorii v bumazhnykh denezhnykh znakakh* [Pages of Russian History in Banknotes]. Moscow: Numizmaticheskaja literatura.

Stelmak, M. M. (2018). *Glavnaia konferentsiia o revoliutsii i Grazhdanskoj voine v Omske: itogi nauchnoj diskussii* [The Main Conference on the Revolution and the Civil War in Omsk: Results of a Scholarly Discussion]. *Severnoye arkhivy i ekspeditsii*, 2(1), 57–64.

Stepanov, M. G. (2009). *Osnovnye tendentsii razvitiia postsovetsoj istoricheskoi nauki (1990-e – nachalo 2000-kh gg.)* [Main Trends in the Development of Post-Soviet Historical Scholarship (1990s – Early 2000s)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 3 (71), 243–249.

Yurovsky, L. N. (1928). *Denezhnaia politika sovetskoj vlasti (1917–1927)* [Monetary Policy of the Soviet Power (1917–1927)]. Moscow: Financial Publishing House.

Yurovsky, L. N. (Ed.). (1926). *Nashe denezhnoe obrashchenie: sbornik materialov po istorii denezhnogo obrashcheniia v 1914–1925 gg.* [Our Money Circulation: A Collection of Materials on the History of Money Circulation between 1914 and 1925]. Moscow: Financial Publishing House.

Петин Дмитрий Игоревич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры «История, философия
и социальные коммуникации»
Омский государственный технический
университет
644055, Омск, пр. Мира, 11
E-mail: dimario86@rambler.ru

Petin, Dmitry Igorevich

PhD (History), Associate Professor
Department of History, Philosophy
and Social Communications
Omsk State Technical University
11, Mira Ave., 644055 Omsk, Russia
Email: dimario86@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1614-8133>
ResearcherID: A-8542-2017
Scopus AuthorID: 57188761451